

Полярные исследователи на Новой Земле.

Открытие ледяной страны

Летопись освоения Арктики насчитывает сотни лет. Ещё в XII—XIII веках по северным морям начинали первые плавания поморы. История арктических экспедиций полна трагедий и загадок. Возвращаться удавалось не всем, многие погибли, пропадали без вести.

Владимир Русанов.

Прошло сто лет с того времени, когда вышла и навсегда исчезла во льдах Ледовитого океана экспедиция Владимира Русанова. В ряду известных полярников, таких как Ложкин, Челюскин, Беринг, Нансен, Вилькицкий, занимает своё достойное место и Владимир Александрович Русанов.

Родился он в Орле, учился в Сорбонском университете; закончив образование, задумал собрать материал для научной работы о Новой Земле.

Впервые на Новую Землю Владимир Русанов прибыл июньским рейсом на небольшом судне из Архангельска в 1907 году. С этого времени ему суждено было сыграть огромную роль в истории изучения Новой Земли и Шпицбергена. Арктическая природа оставила неизгладимые впечатления. На арктических островах Русанова не покидало чувство, что он присутствует при зарождении мироздания. Особенно поразили его воображение мощные ледники. «В целом мире, — говорил он, — нет такой абсолютной, вечной, мёртвой пустыни, как на ледниках. Туда не залетают птицы, там никогда не встречаются звери. Кажется, жизнь не овладела ещё ледниками».

Северный остров Новой Земли оставался до начала XX века без какого-либо надзора и попечения со стороны русских властей. Когда-то на западном побережье находилось несколько русских промысловых становищ, но они так же, как подобные становища на островах Шпицбергена, были заброшены, на их развалинах выросли промысловые поселения норвежцев. Это обстоятельство

побудило Главное управление земледелия и землеустройства приступить к исследованию северного острова Новой Земли. Кроме этого выдвигалась необходимость реального укрепления стародавних прав России на северные острова.

Год 1908 открыл череду научных экспедиций Владимира Русанова.

Французское судно «Жан Картье» летом 1908 года бросило якорь в бухте Белушьей Губы на Новой Земле. На скалистый берег сошли участники экспедиции французского национального Океанографического общества, здесь к ним присоединился геолог Владимир Русанов. Экспедиция отважилась преодолеть маршрут, который раньше считался невозможным. Предстояло пересечь остров с запада, от Губы Крестовой — на восток, до залива Незнаемый.

Путь был долгим и трудным. Приходилось перебираться через расщелины, рискуя сорваться в ледяную бездну и остаться там навсегда, превратившись в часть ледника. С трудом давались подъёмы на скалы, из-за нехватки кислорода одолевала отдышка. При спуске неизменно попадали в снежные ловушки, проваливаясь по колени в ледяную воду.

Не выдержав мучительных трудностей, первыми сошли с маршрута французы, затем, встретив ледяную стену, которую не смогли одолеть собачьи упряжки, в посёлок ушли проводники немцы

Ханец и Хатанзей. Пройдя полностью этот неимоверно трудный и опасный путь, восточного берега острова достиг только один геолог Русанов. И обнаружил на небольшом полуострове неизвестные до этого ископаемые организмы. Также обнаружены были каменный уголь, мрамор, диабаз.

В 1909 году в составе экспедиции Владимир Русанов возобновил исследование островов Новой Земли. Ситуация далеко не всегда складывалась удачно.

...С вечера подул восточный ветерок, небо посерело. Временами накрапывал дождь. Ночью усилившийся ветер беспрерывно хлопал куском оторвавшейся парусины

вверх чума. Морские волны шумно накатывали на берег. Русанов не спал и обеспокоенно думал о предстоящем рабочем дне. Едва дождавшись утра, он поспешил в палатку начальника экспедиции Крамера, тот тоже не спал, сидел, зажав ладони между коленями. Русанов сразу начал разговор о том, что его беспокоило.

— Юлий Васильевич, я понимаю, погода нам не благоприятствует, но ждать хорошей у нас нет времени. В шлюпке мы пойдём к полуострову Адмиралтейства. Крамер пятёрней взъерошил волосы.

— Владимир Александрович, — простонал он, — это же безумие: по штормовому морю, в гнилой шлюпке... Я отвечаю за исход экспедиции. Помните меня правильно, я не могу рисковать людьми!

— Понимаю, Юлий Васильевич... Под мою ответственность. В помощники возьму Илью и Санко.

Весь день Русанов готовился к выходу на шлюпку из Крестовой Губы к острову Адмиралтейства. На берегу старую шлюпку перевернули вверх дном, а Илья и Санко конопатили её, а Илья заливал кипящим варом ещё не просохшее днище. Киль частично был повреждён. Илья оторвал от полозка нарты железную полоску и прибил её к форштевень.

Ранним утром Русанов и его проводники вышли на утлом судёнышке, взяв курс на север. На подходе к мысу Прокофьева увидели

на берегу строения норвежских промысловиков. Русанов уже приходилось слышать от поморов о том, что отдельные норвежские зверобой незаконно добывают зверя у берегов Северного острова Новой Земли, ему не хотелось мириться с хищничеством норвежцев, решено было остановиться и просить положение иностранных браконьеров.

Сидя на корме и держа руль, Русанов невесело размышлял: «Печальная картина на русской земле. Там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы».

Утром путешественники прежде всего с надеждой всматривались в безоблачное небо. Около часа потребовалось для подъёма по осыпающимся камням на вершину горы, откуда видны уходящие вглубь острова, горы, прочерченные заснеженными расщелинами. Но внимание исследователей притянул ослепительно сверкающий гигантский ледник. Сверху было видно, что этот ледяной остров, выросший, наверное, в течение тысячелетий, на каменном острове, растянулся вдоль берега километром на пятнадцать и шириной он не менее пяти километров.

Русанов впервые присутствовал при рождении айсбергов, наблюдая, как со стороны, обращённой к морю, начинала сползать с треском, шумом, рассыпаться и разваливаться часть ледника. Рухнув в море, глыба взбила вверх тучу брызг и, поднимая высокую пенную волну, ушла в глубину и тут же вынырнула, блестя на солнце изумрудно-зелёными и синими боками. Если брызги, и вот уже, величественно покачиваясь, ледяная гора готова была отправиться в свой дальнейший путь.

Русанов, не в силах сдержать восторга, произнёс: «Я снова чувствую себя созерцателем творения ранее не виданного явления».

Из Южной Сульменево Губы вышли при боковом ветре. Шлюпка то и дело взлетала на вершину волны, затем стремительно проваливалась, и на пловцов обрушивался каскад холодных брызг.

Напрягаясь, гребли по очереди, но руль держал чаще других Русанов, считавший, что он лучше ориентируется по компасу.

Над морем стали появляться клочья тумана, вскоре он покрыл поверхность воды и уже клубился над головами. Через час-полтора шлюпка вошла в сплошную пелену тумана, видимость — не более десяти метров. Русанов видел только Илью, Санко и бушующие вокруг лодки волны.

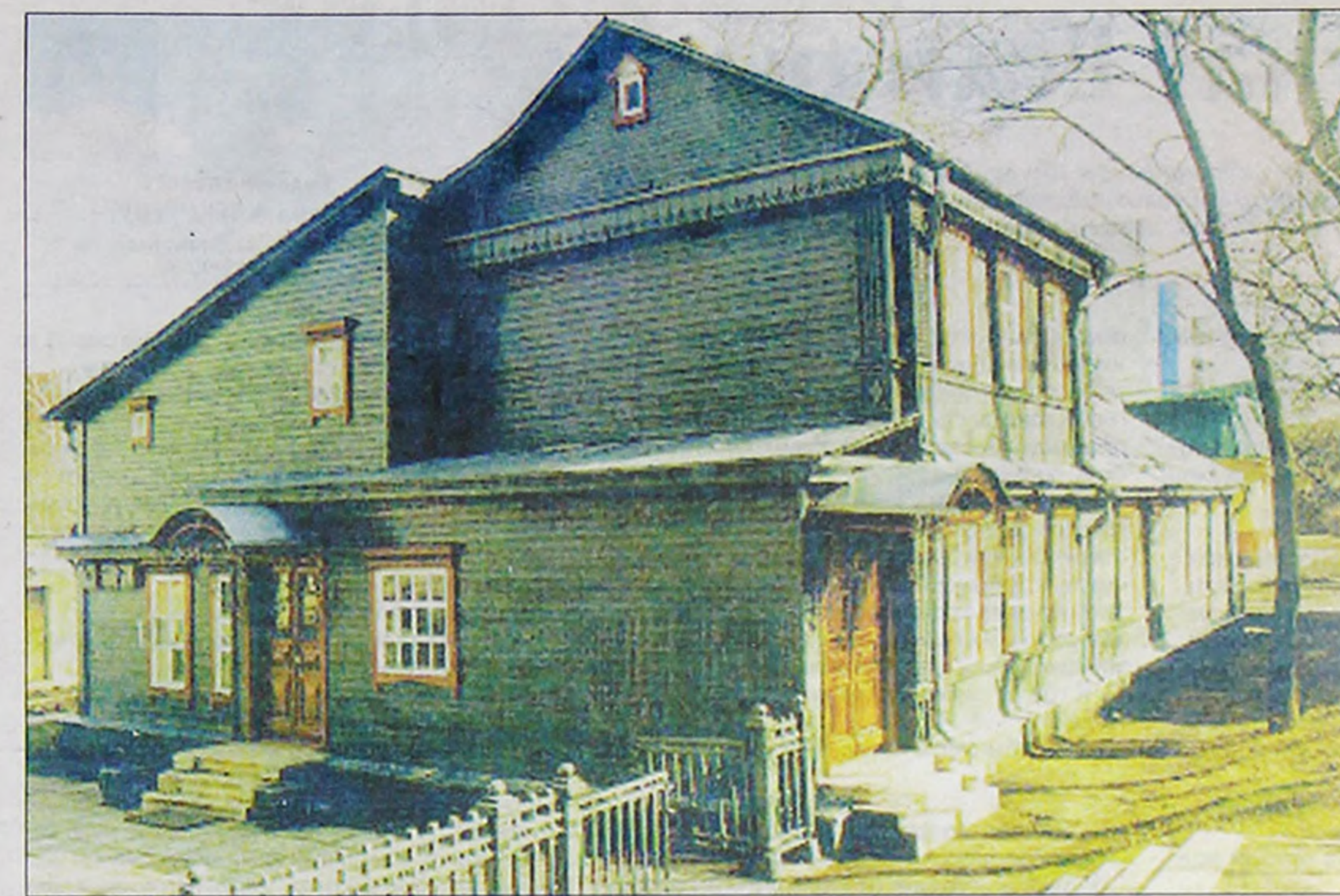
Ветер, впитавший морскую влагу, продувал одежду, леденит тело. Лица и руки покраснели от холода и припухли от нутужной работы вёслами. Временами туман приподнимался над морем, и тогда с востока открывался неприглядный обрывистый берег, черневший скалами, в расщелинах которых неподвижными силуэтами белели фигурки птиц. Туман снова густел, берег исчезал из виду, а вокруг металась тёмно-зелёная, с седыми космами, шипящая, бьющая в борта волны.

На вёслах дошли до Северной Сульменево Губы. Почти сутки Русанов со своими помощниками, не выходя из шлюпки, шли по штормовому морю. Сильные порывы ветра заваливали лодку набок, вода перехлёстывала через борт, угрожая потоплением. Санко лихорадочно переливал воду медным ведром из шлюпки, но отяжелевшее судёнышко продолжало крениться и пропускать волну через борт.

— Илья, — кричал Русанов, ощущая во рту солёную горечь морской воды, — садись на руль, ставь нос лодки поперёк волны, я буду подгребать. Будем переждать порывы ветра.

Теперь шлюпка, подпрыгивая, резала встречную волну, не черпая воду бортом.

Ветер сменил направление и дул уже в спину путешественникам. Русанов и Илья поставили парус. Старое прогнившее судёнышко заметно прибавило ходу. Сквозь туман мерцало холодным светом незакатное солнце, всё так же навстречу неслись белогорные волны. Русанов сверял курс лодки с показаниями компаса. То глухие отдалённые, то резкие, как пушечные выстрелы, удары волн о ска-

Дом-музей В. А. Русанова в Орле.

листый берег свидетельствовали о том, что они идут вдоль острова. Русанов опасался случайного приближения к берегу. «Не дай Бог, — думал он, — без сомнения, нас тогда разобьёт в щепки».

При всей трудности плавания по штормящему морю, ничто не ускользало от его внимания, в короткие минуты, когда ветер разрывал серую пелену, он видел, как косые лучи незаходящего солнца, прорезая туман, освещают пустынный и страшный остров у мыса Черницкого. Груды жёлтых скал прямизной углов и правильностью линий сильно напоминали развалины вымерших восточных городов или давно разрушившихся крепостей.

Посередине острова одиноко высились два креста и предостерегающий, в виде длинного шеста, знак... «Как разглядеть в туман и бурю эти примитивные предупреждающие знаки? — задался он вопросом. — И кто знает, сколько рыболовных и зверобойных судов разбились об эти холодные жёлтые камни?»

Повернув руль, Русанов поспешил обойти этот мрачный остров крушений. «Кажется, я никогда не видел таких огромных и таких яростных волн», — удивлялся геолог.

На пятые сутки в сплошном туманном месиве появились разрывы. Клубясь, седые клочья стали рассеиваться. 26 июля вдалеке показалась тёмная полоска берега полуострова Адмиралтейства. В бухту вошли на вёслах, но высадиться сразу на берег не удалось. Прибойные волны откатывали шлюпку от берега. Пришлось выпрыгивать из лодки, и Илья, стоя в холодной воде выше колена, удерживал её за канат. Русанов и Санко переносили груз на сушу, догоняющая волна окатывала их до пояса. Закончили выгрузку, но каких неимоверных трудов стоило вытащить шлюпку на берег! От усталости у всех подкашивались ноги. Изнемогая, Русанов присел на камни, обессилено свалился набок и уснул.

2 августа, отправив шлюпку с проводниками за мыс Черницкого, Русанов прошёл от Птичьего мыса до Северной Сульменево Губы. Трудности пути вознаградились ценными находками. Вещевой мешок за спиной стал тяжелее, пополнялись интересной коллекцией девонских ископаемых. В одном месте удалось подробно рассмотреть и отметить на карте разрез изверженных пород с выходом на поверхность диабаз. Стари чаще попадалась между гор широкие снежные долины. Проходя такие «оазисы», по пояс проваливался в вязкий влажный снег.

Однажды издаലെка заметил красивые пятна на снегу. «Кровь, — подумал он, — неужели медведь кого-то задрал? Но летом медведей здесь не должно быть». Добравшись до пятен, стал внимательно рассматривать. Зачерпнул пригоршню окрашенного

снега: «Нет, на кровь не похоже, что-то непонятное...» Только потом выяснилось, что такой странный цвет снег приобретает благодаря микроскопическим низшим организмам.

Взобравшись на очередную гору, Русанов увидел впереди обширную снежную долину, длинным языком спускающуюся к морю. Обходить нет смысла, он выбрал наиболее узкое место и осторожно пошёл вперёд. Под ногами то хрустывал наст, то ступни погружались выше щиколотки в жидкий снег. Поверхность излучала холод. Вдруг снег под ногами стал проседать на глазах.

Русанов едва успел раскинуть руки, задержав падение. Ноги висели в пустоте. Скопив глаза вниз, увидел глубину, зияющую чернотой. «Подой мой глубокая трещина, — пронеслось в голове. — Спокойно, без паники».

Мешок за спиной уперся в край провала и не дал соскользнуть глубже. Геолог стал нащупывать стенку сзади себя — сначала одной ногой, потом второй, опираясь руками, перебирал ногами вверх, наконец, закинул обе ноги на край провала, через левый бок перекатился на спину и отполз от ямы.

До края снежной поляны оставалось три-четыре сотни метров. Лёжа на спине, отдышался, перевёрнулся на живот. «Дальше идти небезопасно, придётся ползти». Распластавшись, раскинув широко ноги, хватая руками снег, Русанов пополз. Медленно, медленно приближалась свободная от снега каменная осыпь. Бесконечно длинные и мучительными были последние метры. Окончившие пальцы рук скрючились и уже не хватились за снежную корку. «Ну, ещё, уже близко, давай, давай...» — подбадривая себя, полз дальше.

Свалившись со снежного брусствера на камни, перевернулся на спину, тело знобило, пальцы кровоточили, их ломило от переохладения. Превозмогая слабость, приподнялся и сел. Руки не слушались. С трудом растегнул куртку и сунул кисти рук под мышку, так, приходя в себя, просидел какое-то время.

Из оцепенения вывело чувство голода. Достал из мешка примус, банку консервированного мяса, в чайник набил снега. Стал разжигать примус, спички выпадали из пальцев, ломались, размял кисти рук, погрел их дыханием изо рта. После нескольких попыток, наконец, вспыхнуло жёлто-синим лепестком пламя. Мясо ел холодным, на примус поставил чайник. Похлебал и почувствовал, как по телу разливаются тепло и усталость...

Открыл глаза от холода, сел, стал прикидывать: «Сколько же я проспал, два, три часа? Солнце опустилось низко, значит, день заканчивается. На ночь оставаться здесь нельзя, надо идти».

Утром он вышел на берег Южной Сульменево Губы. 10 августа,

пройдя по южному берегу, взойшёл на хребт высотой с полверсты, сверху увидел Крестовую Губу и становился экспедиции.

...Вечером, у костра, Русанов развернул карту на коленях. Крамер сидел рядом, оба склонились над листом бумаги с начерченным западным берегом Северного острова Новой Земли.

— Таким образом, дорогой мой Юлий Васильевич, — стал рассказывать и показывать на карте Русанов, — за двадцать дней нашего путешествия по океану было пройдено 135 вёрст из Крестовой Губы до полуострова Адмиралтейства и 295 вёрст на обратном пути, считая с заходами в заливы — 430 вёрст. Кроме этого, пешком ваш покорный слуга прошёл берегом 75 вёрст, это считая по прямой. Были экскурсии вглубь острова, насчитывающие не менее 150 вёрст. Но самое главное — пополнена карта Новой Земли новыми данными. Нанесены совершенно не обозначенные ранее озёра, реки, ледники, горы.

Владимира Русанова занимал вопрос о возможности судоходства между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан. «Я пришёл к заключению о возможности и необходимости установить правильные и лишённые риска срочное торговое судоходство за Сибирью». Это определило главную задачу экспедиции 1910 года.

На парусно-моторной шхуне «Дмитрий Солунский» экспедиция вышла к северной оконечности Новой Земли — мысу Желания и должна была, обогнув остров, в сложной ледовой обстановке, через пролив Маточкин Шар вернуться на западную сторону. «Дмитрий Солунский» прошёл к восточному входу в Маточкин Шар, совершив обход Северного острова, вышел в Баренцево море. Это выдающееся плавание, совершенное русским судном впервые после похода Саввы Ложкина, принесло Владимиру Русанову заслуженную славу.

Летом 1912 года Владимир Русанов и научная группа на небольшом судне вышли в очередную экспедицию. После захода на Шпицберген они направились к мысу Желания и далее на восток. Шхуна «Геркулес» с членами экспедиции и командой на борту бесследно исчезла во льдах Арктики.

Освоение Северного морского пути имеет мировое торговое значение, в том числе — и как пути, ведущего из североамериканского вод в устья Оби и Енисея.

Владимир ЧЕРЕНКОВ.
Красноярск.

Материал написан на основании изучения отчётных документов об экспедициях Владимира Русанова, использованы фрагменты из книги Владимира Черенкова «Студёные острова».